
М. В. Антонов, А. В. Поляков
Санкт-Петербургский государственный университет

С. И. Максимов

Национальная юридическая академия имени Ярослава Мудрого, Харьков

**РАЗЛИЧИЕ И ЕДИНСТВО ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В XXI ВЕКЕ
(XXIII ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОЙ
АССОЦИАЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА И
СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ)**

1-6 августа 2007 г. в Кракове (Польша) состоялась XXIII Всемирный конгресс Международной ассоциации философии права и социальной философии (IVR) «Право и правовые культуры в XXI века: различие и единство». Непосредственной принимающей стороной была кафедра теории и философии права факультета права и управления Ягелонского университета, одного из старейших университетов Европы, основанного в XIV в.

Основная тема Конгресса – различия и единство во взаимодействии правовых культур, отражает стремление осмыслить один из острейших вызовов современности. В эпоху глобализации и терроризма очень важным является нахождение за различным пониманием фундаментальных понятий общих для всех правовых культур интуиций, без выявления которых довольно тяжело достичь плодотворной и подлинной коммуникации между представителями различных правовых культур.

В работе Конгресса приняли участие более 500 ученых со всего мира, среди которых ученые из России и Украины. Россия была представлена президентом Российской ассоциации философии права и социальной философии проф. В. Г. Графским (ИГП РАН), сопresidentом Санкт-Петербургской ассоциации философии права проф. А. В. Поляковым (СПбГУ), доц. Е. В. Прибытковой (МФПА), к.ю.н. М. В. Антоновым (СПбГУ), а Украина – членом Президиума Всеукраинской ассоциации философии права и социальной философии проф. С. И. Максимовым (НЮАУ) и к.ю.н. А. С. Стывбой (НЮАУ).

В церемонии открытия приняли участие ректор Ягелонского университета Кароль Мусоль, вице-президент IVR Марек Зирк-Садовский (Университет Лодзи), сопresidentатели организационного комитета Конгресса Иржи Стельмах и

Томаш Гильберт-Студницкий (Ягелонский университет, Краков).

Со специальным докладом «Памяти Александра Печеника» (подготовленным одним из авторитетнейших философов права Аулисом Аарнио, не прибывшим на конгресс по состоянию здоровья) выступил профессор **Кристофер Уеллман** (Вашингтонский университет, США). В нем были отмечены основные вехи жизни и творчества Александра Печеника, президента Международной ассоциации философии права и социальной философии, ушедшего из жизни 19 сентября 2005 г. А. Печеник родился в 1937 году в Кракове, учился и работал в Краковском университете. В 1969 г. переехал в Швецию, где работал в Стокгольмском и Лундском университетах.

Вклад А. Печеника в развитие как философии, так и юриспруденции трудно переоценить. Он является автором десятка книг и огромного количества статей по философии права. Его последняя книга «Scientia juris: Правовая доктрина как познание и источник права» (2005), вошла в многотомный «Трактат по философии права и общей юриспруденции» – грандиозный проект, осуществленный IVR.

Научная деятельность А. Печеника охватывает такие направления, как аналитическая философия и юридическая логика, правовая эпистемология, анализ демократии и государства всеобщего благоденствия, проблема ценностей и их роли в праве, соотношение права и морали, сравнительное правоведение. Особенное внимание было уделено эпистемологическим исследованиям ученого, в которых он пытался дать ответ на вопросы о природе знания, возможности и способах их получения в сфере права. Он пришел к выводу, что классическая теория истины как соответствия не

применима в правовом контексте. Поэтому важное место в сознании А. Печеника заняла когерентная теория истины. Вместе с Робертом Алекси он развивал теорию когерентности в аспекте ее применения к праву и правовому рассуждению.

На протяжении длительного времени он был членом Исполкома IVR, а в 2003 г. был избран ее президентом, принимал активное участие в укреплении сотрудничества между Скандинавскими странами и странами Бенилюкс, а также привлечения к такому сотрудничеству стран Центральной и Восточной Европы.

Память Александра Печеника – выдающегося ученого, неординарной личности и прекрасного человека – была почтена минутой молчания.

Научная программа конгресса была открыта докладом профессора Гарвардского университета (США) Фреда Шауера «*Существует ли понятие права?*», в котором было поставлен вопрос о возможности нахождения универсального понятия права. По убеждению автора, современной теории права нужно отказаться от дебатов по поводу того, что есть право. Он выступает против эссенциализма в форме как юснатурализма, так и нормативизма, считающих, что правовая теория должна опираться на заранее сформулированное понятие права. Право как реальное социальное явление существует независимо от нашего научного знания о нем. Это знание позволяет нам совершить мысленную работу по «собираению» в социальной жизни разнородных элементов (различных психических переживаний, социальных институтов и процессов, идеалов и ценностей), которые мы отождествляем с понятием права. Но результаты этих интеллектуальных обобщений всегда относительно и не позволяют получить общезначимое определение права.

Ученый считает, что на уровне каждой системы права существует набор принципов и стандартов, позволяющих ей самоконструироваться и самоограничиваться от других систем. Поэтому для каждой системы должно быть свое понятие права, которое не может претендовать на теоретическую универсальность. По мнению Шауера, это не означает, что вообще нельзя говорить о понятии права, а лишь то, что существует множественность равнозначных понятий права.

Теоретическое определение права видится Шауером в постмодернистской перспективе как подвижное и изменчивое, не доступное для исчерпывающей формулировки – это что-то близкое к тому, что он назвал «правом первой степени» – нормативно-правовым актам и иным указаниям на правовые тексты, которые дают материал для регулирования социальных ситуаций и

что-то концептуально и эмпирически отличное от этики, политики и всего остального, нечто играющее важную роль в правовых институтах, судебных решениях и системах права. Поэтому задачей правоведа является не формулирование вневременного универсального определения права, а «выборка и сбор того, что понимается под правом, из недифференцированной массы социальных фактов».

Профессор Ягелонского университета (г. Краков, Польша) Ян Воленский, в докладе «*Модели правовой аргументации*» изложил свою теорию логической аргументации в праве. По убеждению Я. Воленского, с помощью теории правовой аргументации можно предложить решения для всех вопросов философии права и, наоборот, исследование основных вопросов философии права неизбежно приводит к проблематике правовой аргументации. При этом аргументацию он понимает весьма широко, как «форму взаимодействия, где два или более лиц утверждают позиции, понимаемые как несовпадающие между собой».

Применительно к праву (которое Воленский считает «паттерном логичности и рациональности») возникает вопрос: следует ли включать в сферу права только дедуктивную логику, или также и неформальную? Ученый отвечает, что понятие логики должно употребляться согласно «профессиональным стандартам» и ограничиться только «логикой первого порядка» (формальной дедуктивной логикой). Однако логику первого порядка юрист может расширить за счет деонтической логики, предлагающей набор разных форм модальности. Это хоть и выводит (за счет внелогических предикатов и аксиом) юридическую логику за пределы логики формальной, но позволяет ей четко выдерживать свои границы и быть для юристов не просто рассуждением, но и доказательством. Вместе с тем, ряд форм юридической модальности допускает употребление оценочных категорий, которые не являются логическими и позволяют юристам выводить свои оценки исходя из юридически значимых интересов.

Воленский подчеркивает, что если формальная логика составляет основу любой науки, то применительно к сферам разных научных дисциплин мы должны различать и разные виды неформальной логики. Деонтическая логика мыслится автором как специфически юридическая и является разновидностью неформальной логики применяемой к праву. Она позволяет ввести в право наряду с формально-логической адекватностью, также критерии материальной правильности.

На второй день работы конгресса на специальном заседании состоялась дискуссия на тему «Бу-

дущее правового позитивизма» между профессором Университета Буэнос-Айреса (Аргентина) **Евгением Булыгиным** и профессором Университета Аликанте (Испания) **Мануэлем Атиензоу**.

Теоретический спор о перспективах позитивистской и естественно-правовой концепций этими двумя известными правоведами был переведен в конкретную дискуссию по вопросу соотношения нормативного позитивизма и теории правовой аргументации. М. Атиенза подверг критике положения защищаемой Е. Булыгиным концепции правового позитивизма. Он указал на следующие слабости позиции Булыгина: 1) невозможность рациональной дискуссии по вопросам этики с позиций отстаиваемого им этического скептицизма, 2) сознательное упрощение правовой действительности, 3) пренебрежение вопросами практического применения права, 4) чрезмерное внимание к формально-логическим аспектам права и, поэтому, пренебрежение к реальным факторам, влияющим на правоприменительную (судебную) практику.

Е. Булыгин не согласился с основными положениями критики М. Атиензы. Во-первых, этический скептицизм не исключает возможности дискуссии о значимости моральных ценностей. Но такая дискуссия не может претендовать на объективность, поскольку всегда подразумевает наличие согласия по базовым критериям оценки и, тем самым, всегда субъективна. Соглашаясь с тем, что, в его понимании, теория права не связана с реальной юридической практикой, Булыгин настаивает на том, что это необходимое свойство любой теории, которая представляет собой концептуальные рамки для фиксации разнообразного фактического материала и с этим материалом отождествляться не должна. Особенно подробно аргентинский правовед останавливается на разборе четвертого аргумента критики. Е. Булыгин говорит о том, что нужно разграничивать два типа аргументации: о логической обоснованности того или иного положения и о психологической убедительности этого положения. Этот последний тип аргументации (убеждение) должен быть исключен из сферы права. Хотя психологическое убеждение является существенной частью любой правоприменительной деятельности, это не должно влечь ни признания этого убеждения правовым, ни включения ценностей в содержание права.

В связи с тем, что профессор Йельского университета (США) **Сейла Бенхабиб** не смогла приехать на конгресс, ее доклад *«О философской основе космополитических норм»* был заменен докладом *«Геноцид, уголовное судопроизводство и*

примирение», с которым выступил профессор Вашингтонского университета (США) **Лари Мей**.

Ссылаясь на определение геноцида, данное в международных документах, докладчик обратил внимание на то, что геноцид – это особо серьезное и особенное международное преступление. Самое важное отличие геноцида от остальных преступлений заключается в том, что он направлен на умышленное разрушение социальной группы. Все другие международные преступления определяются в понятии нанесения вреда отдельному человеку, и только геноцид определен в понятии вреда целой группе. Прошедшие в последнее время судебные разбирательства относительно актов геноцида в значительной мере ускорили продвижение человечества к глобальному признанию прав человека и норм международного права. В то же время эти процессы показали, что они не только не всегда достигают своей цели – примирения, но иногда и удаляют от нее. Достижение примирения предполагает необходимость как социальных мер, так и правовых. Первые означают не только устранение последствий геноцида, но и решение проблем, вызвавших геноцид. Вторые – проведение разбирательств с уважением к правовым нормам и правам подсудимых, тщательную проверку доказательств о других возможных участниках (и активных, и пассивных) и т. п. При этом следует различать задачи показа правды о преступлениях, чтобы предотвратить их повторение, и обеспечение наказания и сдерживание преступников, через выяснение роли, играемой ответчиком.

Третий день работы конгресса был посвящен проблемам культурного и правового плюрализма. Профессор Брюссельского католического университета (Бельгия) **Марк Ван Хук** в докладе *«Европейские правовые культуры в контексте глобализации»* проанализировал тенденции правового развития в современной Европе через категорию правовой культуры.

Эта категория является довольно расплывчатой и включает в себя разнообразные явления духовной жизни общества (ценности, обычаи, идеологии, концепции и т. п.), но, по мнению Ван Хука, она более пригодна для правового анализа, чем категория традиции. Мыслитель исходит из понимания культуры как соединения различий, как коммуникации и взаимной интеграции, направленных на формирование культурной идентичности. Сущность происходящих в европейском праве изменений Ван Хук видит в формировании новой европейской правовой культуры.

Признаком этой новой культуры является конвергенция сфер, ранее противопоставлявших-

ся друг другу. Эта конвергенция проявляется, в первую очередь, в унификации систем права европейских стран под влиянием правовой практики Евросоюза и выражается в сглаживании различий между частным и публичным, материальным и процессуальным правом, между принципами рыночного регулирования и «социального» права. Отмечается интересная диалектика взаимодействия общего и континентального права: с одной стороны, европейское законодательство вызывает появление все большего числа кодифицированных актов в английском праве, с другой стороны, практика континентальных и в особенности общеевропейских судов (Суда по правам человека и др.) подвергается очевидному влиянию принципов прецедентного права.

С этой точки зрения Ван Хук критикует этатистский позитивизм. Ученый рассматривает его как следствие правового монизма, развившегося с середины XIX в. в европейском правоведении. Ситуация стала кардинально меняться с середины XX в., когда наметились тенденции к формированию радикального правового плюрализма, проявляющегося одновременно в распространении нормативно-правового регулирования на все новые сферы жизни и в умножении таких форм права, которые никак не регулируются публичной властью. От этих процессов отстают юридическое образование, которое до настоящего времени во многом основывается на идее правового монизма (этатизма). Бельгийский правовед считает необходимым создание общеевропейской бакалаврской программы юридического образования, в рамках которой право преподавалось бы вне связи с национальной системой права, а особенности этой последней предлагает изучать на более высокой, магистерской ступени образования.

Профессор Университета г. Майами (США) **Сюзан Хаак**, опираясь на труды и идеи знаменитого американского правоведа Оливера Холмса, в докладе *«Плюралистическая сфера права: к неоклассическому правовому прагматизму»* поднимает вопрос о методологическом значении прагматизма в правоведении. Сетую на вульгаризацию прагматизма и на недостатки новых направлений неопрагматизма, где «теория права воспринимается с опаской и даже с враждебностью», Хаак выступает против эссенциалистских подходов к изучению права. По ее мнению, предметом теории права должно стать «изучение сходств и различий в тех явлениях, которые мы без колебания называем правовыми», и в этом смысле теория права должна опираться на принципы научного и методологического плюрализма. Американская исследовательница считает

недопустимым рассматривать научно-правовые концепции, подобно платоновским идеям, как нечто застывшее и исключающее корректировку в ходе научного дискурса, – концепции для нее «изначально хрупки и схематичны, по своей сути открыты для толкования, уточнения, экстраполяции и дальнейшего дискурса в рамках конкурирующих между собой социальных интересов». Методологической основой для такого подхода в правоведении может быть идея юридического опыта, озвученная во второй половине XIX века О. У. Холмсом, подчеркивавшим, что право по сути своей – не логика, а опыт; и именно в развитии данного направления научных исследований Хаак видит будущее неоклассического правового прагматизма.

В докладе профессора Университета Палермо **Франческо Виола** *«Верховенство права в условиях правового плюрализма»* поднимаются вопросы правового плюрализма в ракурсе теории верховенства права. Эта теория рассматривается докладчиком в качестве строго формальной и процедурной научной концепции, лишенной сущностного содержания – верховенство права не ставит своей задачей создание справедливого права, а лишь очерчивает условия, при которых общество управляется правом, а не произволом. Среди таких условий можно назвать не только свободу граждан, но и восприятие права как формы кооперации социальных институтов и граждан, где каждому отведена особая роль в установлении, интерпретации и осуществлении общезначимых практических правил поведения.

Подобная коммуникация возможна только при отрицании необходимой связи права и государства и только в условиях правового плюрализма, к принципам которого автор относит легитимность разноуровневых источников права, конкуренцию между системами права и отсутствие четкой и консолидированной нормативной иерархии. Автор сознательно ограничивает свое исследование границами «официального правового плюрализма», где источники права тесно связаны с государством, хотя и не отрицает существования неофициального, социального права. В рамках официального правового плюрализма он выделяет три основных блока права, конкурирующих с правом государства: международное право, сверхнациональное право (выходящее за границы отдельных государств: к примеру, европейское право) и особый вид политического права, ведущего к новому толкованию правовой системы государства. Преобладающей тенденцией современного права постепенно становится переход от взаимозависимости разных блоков права к взаимопроникновению этих блоков.

В современном обществе верховенство права характеризуется рядом тенденций: 1) распределением политической власти между различными социальными институтами, что приводит к возникновению многоуровневого конституционализма, а также развитием «субсидиарности» – т.е. появлением для субъекта возможности выбора правоприменительного органа, исходя из своих интересов и интересов других участников регулируемого правом общения; 2) необходимостью открытого обсуждения правоприменительной практики и создания возможности для публичной корректировки этой практики; 3) рассмотрение правотворчества не как диктата суверенной воли, а как формулирования норм, которые изначально имманентны социальным отношениям, и которые латентно присутствуют в правовых правилах, в практике правовой аргументации и интерпретации; 4) приобретение договором в современных условиях все в большей мере публичных функций и качества фактора, во многом определяющего развитие публичного права.

В формате параллельных пленарных заседаний прошла презентация двух изданий: *«Право, права и дискурс. Правовая философия Роберта Алекси»* под редакцией Георга Павлакоса и *«Трактат по правовой философии и общей юриспруденции»* под редакцией Энрико Паттаро, а также нового международного журнала *«Легиспруденция»*.

Четвертый день конгресса начался с доклада **Кшиштофа Мотыки** (Католический университет Люблина, Польша) *«Значение философии права Леона Петражицкого»*

В докладе проф. Мотыка подытожил результаты своих многолетних исследований творчества Петражицкого. Во-первых, польский ученый убедительно доказывает, что такие методологические посылы теории Петражицкого, как теория адекватности, теория эмоций, концепция императивно-атрибутивной структуры правовой нормы явились важным вкладом в правовую науку XX века, и сохраняют свою актуальность и в современных условиях, равно как и его глубокая критика этатистского позитивизма. Во-вторых, по его мнению, концепция Петражицкого плюралистична и не сводима к какому-то одному фактору, в частности, к психологии. Эта концепция имплицитно содержит и важные элементы социологического подхода: в частности, идеи о мотивационной и воспитательной роли права, о правовой политике как о форме социальной инженерии.

С этой точки зрения концепция Петражицкого представляет интерес именно как вызов догматическому правоведению и как первое исследо-

вание права в аспекте микросоциального взаимодействия. Это важное направление теоретико-правовых исследований было развито и знаменитыми учениками Петражицкого, среди которых польский ученый выделяет П.А. Сорокина, Г.Д. Гурвича, Н.С. Тимашева, М.Я. Лазерсона, Г.И. Гинса. Подчеркивая значение правовой концепции Петражицкого для современного теоретического правоведения в мире, К. Мотыка особо подчеркивает значимость для польской правовой науки его идей, которые оказали глубокое влияние не только в сфере философии и социологии права, но и направили польскую правовую науку в направлении эмпирических исследований и в сторону преодоления догматизма и формализма.

Поскольку почетный профессор Хельсинкского университета, основатель и генеральный секретарь Тамперовского клуба (Финляндия) **Аулис Аарнио** не смог прибыть на конгресс, то его доклад *«Кто мы? О социальной, культурной и правовой идентичности»* был зачитан (с некоторыми собственными интерпретациями проблемы) **Нейлом Маккормиком** (Эдинбургский университет, Великобритания).

В докладе, на основе идей, высказанных Г.Х.фон Вригтом и С. Хантингтоном, проанализированы философские основы и перспективы процессов глобализации и модернизации сквозь призму проблемы европейской идентичности. Исходной основой анализа был избран внутренний мир человека, который в современной западной цивилизации оказывается фрагментированным, также как и традиция, культура, общество. Эта ситуация приводит к разрушению личности западного человека и, с этой точки зрения, основной экзистенциальной проблемой становится реконструкция человеком своей идентичности. Вслед за фон Вригтом, в докладе концепция личности связывается с самопознанием, а поскольку сила личности ставится в зависимость от истинности концепций, на которых эта личность основывается, то одна из основных причин разрушения личности видится во фрагментации знания.

Другим аспектом проблемы фрагментации личности становится цивилизационный аспект. «Столкновение цивилизаций», о котором говорит Хантингтон, не является случайным в современном мире, оно необходимо следует из самих основ постмодернистской цивилизации на Западе. Постмодернизм рассматривает фрагментацию мира как его необходимое свойство, и воспроизводит это видение в идеологическом, экономическом, культурном противостоянии с другими цивилизациями. В данном аспекте такая позиция представляет собой особую форму фундаментализма, кото-

рая провоцирует аналогичный ответ со стороны других цивилизаций, в том числе и исламской.

Общефилософские заключения автора приводят его к проблеме правовой идентичности. Истоки европейской идентичности восходят к четырем принципиальным идеям, сформулированным еще в Средневековье. Речь идет о парламентаризме, идеях прецедентного, гражданского и естественного права. Эти начала в современном мире еще не представляют единого целого, но, с другой стороны, дают почву для формирования общеевропейской правовой идентичности на основе единых представлений о праве и о формах его реализации.

Профессор Университета Бамберга (Германия) **Ян Зикман** убежден, что идея правовой автономии является одной из центральных для теоретического правоведения. В своем докладе *«Концепция автономии»* он находит в этой идее два начала, на первый взгляд противоречащих друг другу. Традиционное понимание автономии сводится к предположению самозаконности индивида, возможности выбора им правовых норм. Но при таком подходе исчезает такой существенный признак нормы, как ее обязательность для участников правового общения. Выйти из этого затруднения немецкий ученый предполагает с помощью модели автономной аргументации, где суждения о нормах имеют свою предпосылку в нормативных аргументах. Автономия, по мнению Зикмана, означает структуру нормативного принятия решений, т. е. формальную процедуру обоснования значимости и реальности норм.

В этом плане автономией является возможность придания правовым нормам действительности через нормативные суждения, признаком которых является претензия на общезначимость. Обретение правом своей действительности (и, следовательно, превращение из права потенциального в право реальное) происходит благодаря нахождению «баланса основанных на субъективных интересах аргументов». Данный баланс не выводится из самих норм и находится в процессе аргументации. Интересы, по мнению Зикмана, вовсе не являются основным критерием – действительность норм мыслится как производная от «разумной приемлемости» норм и от их способности «быть универсальными». Автор указывает на то, что в рамках концепции автономии можно говорить только о субъективной значимости. Для общезначимости нужен либо социальный базис, либо признание коллективной психологической действительности. Именно к последнему выводу склоняется немецкий ученый, говоря о «коллективной автономной аргументации» и о «коллек-

тивном принятии норм». Зикман вынужден предположить существование объективной обязывающей нормы, которая позволяет говорить об «объективной обоснованности претензий на общезначимость» и которая вытекает из «правильной аргументации».

Пятый, последний день конгресса был посвящен вопросам бытия права в культурном и экзистенциальном аспектах. Доклад профессора Токійского университета (Япония) **Такао Кацураги** *«Национализм, мультикультурализм и концепция права»* был посвящен культурологическому аспекту проблемы формулирования правовой теории в условиях мультикультурализма. В первую очередь японский ученый задается вопросом, насколько национальные культуры сохранили свое значение в условиях мультикультурализма и насколько принцип национальной организации права и государства соответствует тенденциям глобализации, характерным для нашей эпохи. Ответ на этот вопрос он ищет в рамках концепции «либерального реализма».

Поиск национальной идентичности, по убеждению докладчика, вовсе не должен предполагать стремления к национальному обособлению в культурном аспекте и к протекционизму в аспекте экономическом, как это традиционно считалось. Мультикультурализм в современном западном обществе не препятствует существованию государств, сформированных по национальному принципу, – национальность формируется сегодня на культуре диалога, которая отражает присущий западной цивилизации плюрализм и толерантность. Японский мыслитель подчеркивает, что культурное взаимодействие – это не механическое столкновение однообразных и закрытых для других миров, а представляет собой бесконечный процесс трансформации общественных коллективов, которые взаимопроникают друг в друга, изменяя другие коллективы и меняясь сами.

Приводимые Кацураги замечания о взаимной трансформации культур должны помочь развенчать миф о необходимости формального единства права и построить иной образ права, основанный на идее «разумной гибкости права». Такой образ права не вписывается в парадигму «приказа суверена», и мыслится японским ученым скорее как «властная рекомендация». Властная рекомендация предлагает модели поведения, между которыми субъект права выбирает наиболее подходящую для данного конкретного случая. Свою концепцию Кацураги считает наиболее подходящей для зрелой рыночной экономики. В отношениях с государством она избегает крайностей как дирижизма, так и классического либе-

рализма. В японской философской традиции эта мысль выражается с помощью концепции «ми-чи», представляющей сочетание типично азиатского синкретизма и неоконфуцианской идеи нахождения должной меры в процессе самосовершенствования.

В докладе «Внешний аспект этической жизни правовых институтов» профессор Эдинбургского университета (Великобритания) **Зенон Банковский** поставил вопрос о роли внеправового содержания последних. Как сторонник экзистенциального направления в правоведении, он исходит из тезиса о наличии глубокой связи между этической жизнью людей и деятельностью социальных институтов. Именно благодаря этой связи мы оказываемся открытыми для социального общения, которое Банковский конструирует как отношения обмена.

Ученый считает основным фактором правовой жизни стремление к нахождению институционального согласия разных жизненных позиций индивидов. Основную проблему правового общения он видит в психологическом страхе встречи с Другим. Современный монологический образ права возник в немалой степени благодаря этому страху. Ученый объясняет это тем, что в условиях современной западной цивилизации существует некая «квазипсихологическая» среда, которая отнимает у нас свободу выбора и заставляет действовать в рамках заранее предопределенной правовой рутины. Страх неопределенности заставляет современного человека все чаще отказываться от участия в процессах создания спонтанного права и выбирать монологичное право государства с априорно заданными моделями поведения.

Это верно не только по отношению к праву, но и к межкультурному обмену в целом. Страх встречи с Другим заставляет навешивать ярлыки на другие культуры и цивилизации, которые кажутся опасными только из-за того, что они – «Другие». Выход из данной ситуации Банковский видит в развитии «этики рубежа», которая состоит в необходимости постоянного расширения рамок нашего опыта и готовности «встречи с Другим». Право в данном аспекте предстает как «постоянный поток взаимодействия... в форме плюрализма, где нормативные сферы взаимопересекаются, а границы оказываются рыхлыми».

Пленарные заседания завершились докладом победителя конкурса IVR среди молодых ученых **Хелги Варден «Различие и единство – попытка представления обоснованной линии»**.

Наряду с пленарными заседаниями, которые проходили в первой половине дня, с 15.00 до 19.00 проходили секционные заседания (7 рабо-

чих групп и 49 специальных секций). Российские и украинские ученые выступили с докладами и сообщениями на секционных заседаниях: В. Г. Графский «Об эвристических и иных возможностях интегративной юриспруденции в эпоху культурного и правового плюрализма» и Е. В. Прибыткова «Между юридическим позитивизмом и естественно-правовой теорией: теория этического минимума в праве» в специальном семинаре «Естественное право и основания либерализма»; С. И. Максимов «Политика права Леона Петражицкого: к реформе юриспруденции», М. В. Антонов «Культурный и методологический плюрализм как основа философско-правовой школы Л. И. Петражицкого», А. В. Поляков «Л. И. Петражицкий и его школа» в специальном семинаре «Леон Петражицкий в правовых исследованиях»; А. В. Стомба «Нуждаемся ли мы еще в понятии права?» в рабочей группе «Понятие права и правовой системы» и С. И. Максимов «Универсальные правовые ценности и их адаптация в национальных культурах» в рабочей группе «Различие и единство правовых культур: уроки и вызовы. Панель А: Европа и Северная Америка».

Рабочая группа 01 «**Различие и единство правовых культур: уроки и вызовы**», объединившая доклады по основной тематике конгресса, была разделена на две подсекции по цивилизационному критерию: Европа и Северная Америка (панель А), а также Азия и Южная Америка (панель В).

В подсекции А обсуждались такие проблемы: единство в различии: вопросы правовой культуры в ЕС (трактовка единства без единообразия и различия без разрыва); права в конституционном договоре ЕС; универсальные ценности в конституционных преамбулах (мир, свобода, демократия, справедливость, равенство, солидарность, толерантность, ответственность, память о прошлом, а также человеческое достоинство и права человека); пределы расово-нейтрального конституционализма; политическая свобода: утраченное «сокровище Англии»; доступности права и правосудия как право на коммуникацию и понимание; политическая философия, лежащая в основе испанского конституционного сбой; конституционные суды и пределы экономической политики; управление разнообразием: приспособление к расхождениям в европейских законах о правах человека; использование сравнительного правоведения как инструмент правового транзита в Центральной Европе; универсальные правовые ценности и их адаптация в национальных культурах; перспективы национальных правовых культур в ЕС; темная сторона европейской гар-

монизации: появление нового вида публично-частных норм; права человека и взыскание долга (отключение воды, тепла и электричества трактуется как нарушение права на человеческое достоинство); корреляция понятий времени, места и закона в иудаизме; женская изменчивость и право: диссидентское агентство «Антигона»; игра права: музыкальное исполнение и юридическая интерпретация; метафора музыки и права; международная сеть по глобальной правовой теории.

В подсекции В рассматривались вопросы соотношения единства и различий в основных правовых культурах Азии и Южной Америки: Китая (защита прав граждан в развитии верховенства права; взаимодействие власти, прав и интересов; профессионализация юристов), Японии (ст. 9 японской конституции и возможность угрозы миру; правовая культура императорской системы; культура, окружающая среда и право в контексте японской философии), Индии (есть ли правовая культура в Индии? Право на электронную идентификацию и защита данных) и особенно, Бразилии (социальная политика и право; конституция и социальная трансформация; конституционный иск; судебная реформа; конституция, принципы и интерпретация; интерпретация добросовестного отношения в контрактах; о конструктивной правовой науке в прошлом и сейчас; правовая определенность и интерпретация; межамериканский суд по правам человека как «судебный форум»; интердисциплинарность в исследовании и преподавании права).

В рабочей группе 02 **«Проблемы эпохи глобализации»** в контексте процесса глобализации анализировались такие важнейшие политические институты, как демократия (ее качество, оправдание демократического равенства и процедуры, делегативная демократия и эстетика консенсуса, глобальная беспристрастность), глобальный правовой порядок, культурная идентичность и мультикультурализм, права человека, глобальная справедливость, внутренний и внешний эгалитаризм и др.

Активность участников рабочей группы 03 **«Понятие права и правовой системы»** была направлена на обсуждение ключевых понятий философии и теории права и связанных с ними теоретических построений. В частности, понятие права рассматривалось в связи с его авторитетностью, онтологическим и ценностным статусом, соотношением субсидиарности и суверенитета; были выявлены новые аспекты правовых концепций Кельзена, Харта, Дворкина, Хабермаса, Раза, в частности, интересным представляется постановка вопроса о саморастворении юридического позитивизма в правовом государстве, а так-

же анализ Мартином Голдингом идеи правовой патологии. В последующих выступлениях обсуждались более конкретные вопросы применения и интерпретации права, особенности в экономической сфере.

Рабочая группа 04 **«Право и этика»** объединила ученых, заинтересованных в выяснении моральных оснований права. Одновременно в их выступлениях подчеркивался определенный скептицизм относительно перспектив морализации права, что подтверждается смещением акцентов в современной философии права на юридическую легитимацию, а также подчеркиванием различием между идеальной моральной теорией и неидеальной политической практикой. В сферу обсуждения вошли также вопросы этики права и профессиональной этики, конфликта обязанностей и человеческого достоинства в правовом и биоэтическом дискурсах, обоснования права на наказание и практического функционирования юридической этики в деятельности адвокатов.

Доклады, представленные в рабочей группе 05 **«Правовая аргументация и юридическая логика»** касались различных подходов к юридическому рассуждению, особенно значения метода абдукции в рассуждениях о доказательствах и творческом подходе к праву, а также проблем истины в доказательствах, соотношения понятий, принципов и норм, деонтической логики и логической формализации естественного права. Соответственно, в рабочей группе 06 обсуждались методологические вопросы судебного применения права, а в рабочей группе 07 – соотношения правовой политики и юридической теории, включая вопрос об особенностях верховенства права в различных правовых культурах.

Специальные секции, для участия в которых приглашались известные специалисты по соответствующим проблемам, были посвящены таким темам: 1. Аристотель и философия права. 2. Альтернативная спорная резолюция, конфликты и роль юристов. 3. Альтернативные методы в преподавании философии права. 4. Между правом и его иными: теоретизирование относительно прав, достоинства и демократии в Бразилии. 5. Хартии, конституции и демократии. 6. Сравнительный конституционализм. 7. Конституционализм между экономической и правовой теорией: фактическая и теоретическая сложность в процессе глобализации и европейской интеграции. 8. Контракты и обещания. 9. Современные исследования в области права и философии собственности. 10. Этика в век виртуальной войны. 11. Основопологающие проблемы философии уголовного права. 12. Свобода. 13. Свобода воли

в уголовном праве и процессе. 14. Общие понятия в праве. 15. Глобальная демократия и глобальное исключение. 16. Глобальная справедливость. 17. Глобальная справедливость и эксплуатация. 18. Гуманитарная интервенция. 19. Права человека после Аушвица и Гулага. 20. Импорт и экспорт: юриспруденция, ее «соседи», основы и пределы междисциплинарного исследования. 21. Международный судебный надзор за правами человека: эффективный, легитимный или то и другое? 22. Является ли судебный формализм совместимым с юридическим позитивизмом и верховенством права? 23. Латиноамериканская правовая мысль и правовая философия. 24. Право и республиканизм: национальные и постнациональные перспективы. 25. Право, религия и политика: философские и теологические перспективы в критическом сравнении. 26. Право и литература. 27. Право, мышление и мозг. 28. Правовая аргументация и интерпретация: подходы и измерения. 29. Правовая культура Северо-Восточной Азии. 30. Юридическая этика: ее горизонты и полномочия. 31. Юридические шипы: поиски идентичных состояний правовых систем в эру прозрачных границ. 32. Правовая философия и вызовы биоэтики. 33. Легиспруденция. 34. Леон Петражицкий в правовых исследованиях. 35. Либертарианизм. 36. Мультицентризм как становящаяся парадигма в правовой теории. 37. Естественное право и основания либерализма. 38. Философия и международное уголовное право. 39. Политическое насилие, самодетерминация и глобальное право. 40. Политика права и правовая политика. 41. Рассуждение в сфере юридического доказательства. 42. Специальная секция для студентов и молодых ученых. 43. Возможности африканской философии права. 44. Принцип поддержки. Межпоколенческая справедливость, глобальная справедливость и новая концепция свободы. 45. Теория принципов. 46. Когда юристы нуждаются в светской вере: «конституирование ценностей». 47. Женщины, права человека и XXI век. 48. Обмен и соразмерность. 49. Рациональный фундамент для прав человека.

Остановимся на обзоре работы тех секций, которые, на наш взгляд, в наибольшей степени репрезентируют современную философско-правовую мысль.

В работе специальной секции 14 **«Общие понятия в праве»** приняли участие многие известные философы права. В частности, Нейл Маккомрик (Эдинбургский университет) предложил анализ таких понятий, как лица, вещи и действия. Денис Паттерсон (Университет Рутгерса) в докладе «Практика в правовой теории» провозг-

ласил, что на место дискуссии между Хартом и Дворкиным, которая четверть века определяла развитие юриспруденции, приходит новое понимание права как одного из видов практики. Эйк Френберг (Университет Упсалы, Финляндия) в докладе «Систематизация правовых понятий» отмечал, что право представляет собой соединение правил и понятий, среди которых он выделяет понятия, выполняющие правоустановочную функцию и юридико-оперативную. Были также проанализированы такие понятия, как компетенция, юридическое обязательство, дозволение, а также рассмотрены вопросы об инферентальном и терминологическом подходах к правовым понятиям и их значении при переходе от сущего к должному.

Не менее репрезентативной была специальная секция 28 **«Правовая аргументация и правовая интерпретация: подходы и измерения»**, на заседаниях которой рассматривались такие вопросы правовой аргументации и интерпретации, а также их соотношения с другими категориями, такими как правовые принципы, перформативные противоречия, пробелы в праве, правовая информация, а также некоторые другие.

Принятие решения на основе оценки ситуации, а также в условиях существования разных мнений по поводу одной ситуации (конфликт, дискуссия), по мнению Брюса Андерсона (Университет Св. Марии, Канада), тесно связано с бурно развивающимся направлением теоретических и практических исследований – теорией аргументации, объединяющим усилия лингвистов, логиков, психологов, философов, социологов и, конечно же, юристов. Аргументация как способ рационального обоснования является одним из основных методов в юридической практике. Особенности аргументации является ее рациональный характер, социальная обусловленность, вербальная (знаковая) форма выражения. Что касается правовой интерпретации, то здесь следует обратить внимание, что благодаря интерпретации выводится совокупность значений, придаваемых тем или иным способом элементам правовой теории. Формулировки текста нормативного правового акта могут быть неопределенными. Соответственно, они могут иметь несколько смыслов, а значит, и несколько равноценных вариантов интерпретации, каждый из которых может быть достаточно обоснованным. В докладе Джорджа Павлакоса (Королевский университет, Белфаст) «Интерпретация или аргументация? Две концепции объективности в правовой теории» дается сопоставление наиболее влиятельных современных теорий в филосо-

фии права: «интерпретационной теории права» Рональда Дворкина и «теории правовой аргументации» Роберта Алекси. Докладчик критически оценивает убежденность авторов каждой из концепций в возможности получения правильных ответов в праве, при опоре на радикально противоположные метафизические взгляды, что приводит их к противоположным ответам на одни и те же вопросы относительно статуса нормативных суждений. При этом он предлагает свою теорию, которая ориентируется на более мягкий вариант объективности. Отказываясь как от скептицизма, так и метафизических предпосылок, он называет его дискурсивной грамматикой, считая, что ее преимуществом является учет многослойности правовой практики и непрерывность связей права с иными сферами практического разума.

В секции 33 «*Легиспруденция*» рассматривались актуальные проблемы теории законотворчества (а именно так следует понимать термин, вынесенный в название секции). Автором этого термина является бельгийский ученый Люк Винтгенс, автор одноименной книги и главный редактор выходящего под тем же названием журнала. Во вступительном докладе «*Метафизика легализма: основы легиспруденции*» он отметил, что легиспруденция в качестве новой развивающейся теории законодательства представляет собой ответ на отсутствие теории рационального законодательства, что обусловлено образом мышления, известным как «*легализм*». Легализм вынуждает юристов думать в терминах инструментализма, этатизма, формализма и, среди прочего, идеализма. Метафизику легализма исследователь связывает с номинализмом позднего средневековья, пришедшего к выводу: правители не обязаны оправдываться перед теми, кто подчинен их правилам. Легиспруденция как теория рационального законодательства формулирует обязанность оправдания правил как право на хорошее законодательство. При этом она модифицирует метафизику легализма, показывая, что правитель не может просто командовать подчиненными и не может быть безразличным к содержанию своих правил. В продолжении этой идеи Мауро Замбони (Стокгольмский университет) в докладе «*Глобализация и законотворчество: время для смещения парадигмы правовой теории*» акцентирует внимание на потребности в «глобальных законах», обусловленной явлением глобализации. Взгляд на право, как на продукт отдельных правовых систем, устарел. Мировое сообщество нуждается в правовых актах, которые базируются на общечеловеческих принципах права, а национальные правовые системы, в свою очередь,

должны лишь конкретизировать эти принципы в локальных культурных и этно-географических условиях. Захватывающую картину мира права в докладе «*Законодательство как реконструкция*» представила профессор Маастрихтского университета Яаап Хаге. Согласно ее концепции, основная функция законодательства состоит в том, чтобы вносить изменения в то, что могло бы быть названо «*миром права*». В отношении этой функции и используется выражение «*реконструкция*», так как законодательство имеет много сходных черт с работой по строительству здания, однако оно не начинается с подготовки фундамента, а вносит изменения в уже существующее «*здание*».

В соответствии с этой картиной, мир права состоит из двух «слоев». Первый слой заполнен правовыми фактами, т.е. такими фактами, как например, Джон является вором, значит, Джон должен быть наказан, мэр Парижа имеет полномочия издавать нормативные акты и т.д. Второй слой состоит из ограничений для фактов, находящихся в первом слое. Эти ограничения принимают форму правовых правил, и устанавливают, что некоторые типы фактов всегда следуют вместе (например, быть вором и быть наказанным), или следуют друг за другом по времени (заключение договора ведет к возникновению договорных обязательств), или не могут следовать вместе (например, быть заключенным в тюрьму и быть избранным президентом). Законодательство, главным образом, обращается с изменениями данного второго слоя. При этом нормы во втором слое имеют две основные функции, соответствующие двум главным функциям права, а именно: направление поведения человека и создание полномочий для изменения мира права.

В заключение нам хочется обратить внимание на интересный опыт применения **альтернативных методов преподавания философии права**, который был представлен в секции 3. В качестве таких методов предлагались: *алгебра естественного права* – как имитация естественно-правового типа юридического мышления – в качестве основы для компьютерной помощи в правотворчестве и юридическом образовании; *дистантное обучение на основе возможностей Интернета*, которое преодолевает расстояния и даже государственные границы и делает изучение философии права как универсального правового предмета доступным каждому; *использование киносессий*, что позволяет социально конкретизировать и закрепить материал, представленный профессорами на лекциях; *творческая драма*, раскрывающая разные точки зрения по конкретным темам философии права, обсуждаемым чле-

нами группы и дающая возможность их критического осмысления; *веб-сайт* по философии права (в качестве примера приводился опыт функционирования испано-американского веб-сайта по этике и праву).

В рамках Конгресса состоялась Генеральная Ассамблея IVR, на которой были выбраны руководящие органы на ближайшие четыре года. Президентом Ассоциации был избран Нейл Мак-

кормик (Великобритания), вице-президентами – Паоло Командучи (Италия), Риккардо Гуиборг (Аргентина), Ястимото Мorigива (Япония), Марек Зирк-Садовский (Польша), почетным президентом – Евгений Булыгин (Аргентина). Местом проведения следующего XXIV Конгресса «Глобальная гармония и верховенство права», который состоится 15-20 сентября 2009 г., выбран г.Пекин (Китай).

М. В. Антонов, С. І. Максимов, О. В. Поляков

**ВІДМІННІСТЬ І ЄДНІСТЬ У ВЗАЄМОДІЇ ПРАВОВИХ КУЛЬТУР У ХХІ СТОЛІТТІ
(XXIII ВСЕСВІТНІЙ КОНГРЕС МІЖНАРОДНОЇ АСОЦІАЦІЇ ФІЛОСОФІЇ ПРАВА І
СОЦІАЛЬНІЙ ФІЛОСОФІЇ)**

Огляд XXIII Всесвітнього конгресу Міжнародної асоціації філософії права і соціальної філософії «Право і правові культури у ХХІ столітті: відмінності та єдність», який відбувся 1-6 серпня 2007 р. у Кракові (Польща)

M. V. Antonov, S. I. Maksymov, A. V. Polyakov

**DIVERSITY AND UNITY IN THE CO-OPERATION OF LEGAL CULTURES IN THE 21st
CENTURY (23rd WORLD CONGRESS OF THE INTERNATIONAL ASSOCIATION FOR
THE PHILOSOPHY OF LAW AND SOCIAL PHILOSOPHY)**

A review of the 23rd World Congress of the International Association for the Philosophy of Law and Social Philosophy «Law and Legal Cultures in the 21st Century. Diversity and Unity» (August 1-6, 2007, Krakow, Poland).